

лингвистической науки. Говоря в письме о себе: «Мой путь — к филологии в подлинном смысле этого термина», — Винокур еще раз подчеркивал общий тезис, выдвинутый им в предисловии к книге: «Переживаемый в последнее время научным языкознанием кризис в результате должен приблизить языкознание к филологии» [12, с. 5]. Филологический характер своей собственной научной работы Винокур подчеркивал и впоследствии (см., например, выдержку из выступления в 1942 г. на защите докторской диссертации в [23, с. 4])⁴. Но о движении всей лингвистики к сближению с филологией (если не считать частично воспроизведения предисловия к [12] в [24]) он более не упоминал. Напротив, в его итоговой работе о филологии задачи «научного языковедения» и филологии тщательно разграничиваются [25, с. 50—54].

Это заставляет внимательнее присмотреться к тому, что именно в 1924—1925 гг. Винокур понимал под филологическим изучением языка. Помогает в этом содержащаяся в письме ссылка на их общего с Якобсоном университетского учителя — В. К. Поржезинского. Проведившееся Поржезинским разграничение задач лингвистики и филологии в исследовании языка (подробнее см. ниже примеч. 18 к тексту письма) было вполне аналогично тому разграничению, которое сам Винокур в своей классической статье 1941 г. [26] будет проводить уже между «двумя группами» собственно лингвистических исследований. Первые «изучают факты различных языков мира для того, чтобы определить общие законы, управляющие жизнью языков», «разные языки понимаются здесь как (...) проявление (...) человеческого языка вообще» [26, с. 300]. Предмет исследований второй группы «составляет какой-нибудь отдельный язык или (...) группа языков, связанных между собой в генетическом и культурно-историческом отношении», «не то, что „возможно“, „бывает“, „случается“, а то, что реально, именно в данном случае *есть, было, произошло*» [26, с. 301].

Две эти группы исследований были для Винокура «разными», хотя и взаимосвязанными науками. Имя лингвистики, или науки о языке, он сохранил лишь за первой группой, а исследования в области отдельного языка назовет «историей языка» [26, с. 302]. На языке статьи [26] тезис 1924 г. о «приближении» языкознания к филологии означает увеличение удельного веса лингвистических исследований, имеющих своим предметом отдельный язык как «отдельное и неповторимое историческое явление, принадлежащее к ... индивидуальной культурной системе» [26, с. 304]. Направление лингвистической эволюции самого Винокура этот тезис характеризовал абсолютно точно. Но центр тяжести лингвистических интересов Якобсона, по крайней мере начиная с его работ 20-х годов по диахронической фонологии, лежал не во второй из выделенных Винокуром групп, а в первой — в установлении общих законов «человеческого языка вообще» и универсальных методов исследования. Таким образом, его позиция и в этом аспекте оказалась прямо противоположна винокуровской.

Письмо Винокура с полной четкостью обрисовало принципиальные методологические и идейные разногласия бывших союзников. Выход книги [13], как показывает письмо Якобсона, еще больше углубил расхождение. Теперь Якобсон считает, что какой-либо диалог между ними вообще невозможен: «Здесь у нас самые азбуки различны». Правда, ему еще кажется, что при личной встрече удастся создать базу для диалога, для «возможности спорить». Через полтора года Винокур действительно приедет в Прагу и выступит в Пражском кружке с докладом «Лингвистика и филология» [4, с. 560]. Но надежды на личную встречу не оправдались, в уже цитированном выше письме Шкловскому 14 ноября 1928 г. Якобсон писал: «Здесь вместо тебя — трехсотлетний Винокур. С ним ни о чем не могу договориться. Он как ушибленный» [15, с. 54] (курсив мой. — С. Г.).

⁴ Якобсон, насколько мне известно, впервые определил себя как «филолога», а не лингвиста только в одном из интервью, данных незадолго до смерти (см. [3, с. 13]).